

Описание

1. Отражение в говоре казаков-некрасовцев Ставропольского края архаических черт русской наивной картины мира.

Этнокультурное своеобразие казаков-некрасовцев обусловлено тем, что в течение двух с половиной веков проживания в Турции, в условиях неславянского окружения, они сохранили русский язык, культуру, обычаи: иначе систему этнических констант, которая и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир и которая определяет этничность сознания человека.

В речи казаков-некрасовцев вербализуется значительное количество архетипических представлений древнерусского человека и даже славянина о членении, категоризации, структурировании и оценивании окружающего мира, что обусловлено изоляцией культуры, в том числе и говора казаков-некрасовцев, от общенациональной культуры и общенационального русского языка, а также неосознанным противостоянием носителя русской культуры и языка чуждой неславянской культуре и языку.

В языковой картине мира любого народа одно из центральных мест занимает выражение идеи Родины, Отчизны. В национальном русском языке основной образ Родины – это женщина-мать, основное языковое выражение – словосочетание Родина-мать, само слово Родина по своему происхождению и значению относится к гендерно обусловленным «феминным» лексемам.

В говоре казаков-некрасовцев наблюдаем иное явление, обусловленное историческими причинами. Судьба казаков-некрасовцев была во многом определена их лидером Игнатом Некрасовым. Для них он стал и отцом (для последующих поколений дедом), и наставником, и мифологической фигурой. Потомки казаков-некрасовцев говорят: *«Мы пошли от Игната Некрасафца»*. В их говоре существует наречие *по-игнатовому*, которое означает «по-старинному, так, как положено». Поэтому образ Родины (а для казаков-некрасовцев Родина – это Россия) – это дед, основное языковое выражение –

слова *дед* как обобщенное название русских, России, *дедовщина* как обобщенное название земли дедов, Родины. Носители говора говорят так: «*Надоела нам у турках, пайдем к сваему деду, к рускаму. – Набивай парус на лодку, паедем на дядофщину*». В целом образы Родины как женщины-матери и как мужчины-деда восходят к одному и тому же языческому культу Рода восточных славян, о котором ученый-историк В.В. Колесов пишет: «Достоверно известно, что у восточных славян существовал культ Рода и Земли У восточных славян определенно различались поколения богов – их было три, ровно столько, сколько и одновременно живущих представителей рода». Полагаем, что специфичный образ Родины как мужчины-деда у казаков-некрасовцев является одной из возможных модификаций архаического представления культа Рода у восточных славян.

В лексике некрасовцев присутствуют донаучные представления об астрономии. Названия космических объектов в говоре демонстрируют сохранение в наивной картине мира некрасовцев архаических представлений восточных славян о Небе как о важнейшем ориентире в жизни, о чем-то едином с Землей, на которой они живут. На Небе, как и на Земле, есть дороги, одна из них, состоящая из семи звезд, называется *Арба*, которое названо иначе, чем в общенациональном языке или в других русских диалектах, в соответствии с распространенным предметом быта и средством трудовой деятельности казаков-некрасовцев (в общенациональном языке это созвездие Большая Медведица).

Главная из небесных дорог (в общенациональном языке это, по данным Сл. Даля, *Млечный Путь* или *Моисеева дорога*) имеет в говоре две номинации - *Матвеева дорога* (связана с именем святого Матвея, в церковной традиции Матфея) и *Арбяная дорога*, которые являются специфичными и не повторяются в других славянских говорах. По данным словаря «Славянские древности: этнолингвистический словарь», в славянских языках, в том числе и в русских говорах, существует целый ряд мотивов номинаций Млечного пути: 1) дорога Бога и святых; 2) дорога душ и

предков; 3) военная дорога; 4) названия, связанные с промыслом чумаков; 5) птичья дорога; 6) соломенная дорога.

Наименование *Матвеева дорога* является модификацией общеславянского мотива «дорога Бога и святых». Наименование *Арбяная дорога* является интерпретацией номинации *Чумацкий шлях* (чумаки – возчики соли), характерной для южной России, Украины, Болгарии. Мотивация этого названия такова: по народным поверьям, чумацкий шлях указывает направление в Крым, куда ездили за солью, и образовался этот шлях от того, что по дороге соль сыпалась с возов. В номинации *Арбяная дорога* некрасовцами акцентировано средство передвижения чумаков – *Арба* (двухколесная или четырехколесная телега).

К специфичным небесным названиям, выражающим эмпирический опыт и этническое мировидение некрасовца, относятся номинации *Коромысли* и *Прикол-звезда*. На небесной карте, созданной казаком-некрасовцем, одно из созвездий названо по внешнему сходству с предметом быта казака-некрасовца – это созвездие *Коромысли* (в общенациональном крестьянском языке *коромысла* – «лучковатый рычажок, которым на плече носят пару ведер»).

Звезда, которую мы называем Полярной, в говоре некрасовцев названа по предмету быта, который использовался ими в животноводстве – *прикол* («вбитый кол для привязки скота» - по данным словаря Даля). Полярную звезду казак-некрасовец назвал *Прикол-звезда*, увидев в ее неподвижности и одновременно в движении вокруг нее других звезд сходство с колом для привязки скота (Полярная звезда также неподвижна относительно соседних звезд). Такое образное представление Полярной звезды является очень древним. По данным словаря «Славянские древности: этнолингвистический словарь», в космологических представлениях Звезды уподобляются «гвоздям» на имеющем плоскую или куполообразную поверхность небе; они вращаются вокруг одного основного «гвоздя», «столба», «оси», «пупка» мира - Полярной звезды.

В жизни некрасовцев очень важное место занимала религия, и на карте неба казак-некрасовец увидел два предмета из церковного обихода: созвездие *Кадило* и созвездие *Петров Крест*.

Представления о Небе как о чем-то едином с Землей легли в основу выражения *Звезда служит* (т.е. светит, находится на небосводе), которое казаки относили к Венере. Культурно-исторический опыт носителя говора позволил ему увидеть в регулярном появлении планеты Венера (утром и вечером) аналог службы казака.

В целом наивная астрономия казаков-некрасовцев подтверждает следующую универсалию в естественных языках: существует семантическая связь между микрокосмом (органами тела человека и его внутренним духовным миром) и макрокосмом (землей, небом, светилами, вселенной), которая характерна для прошлого языков и частично сохраняется в настоящем.

В составе глагольной и именной лексики говора (в значениях глагола *нижать* и фразеологизма *года нижают*, в значении существительного *нижа*, в сравнительной степени прилагательного *низкий* в переносном значении) мы обнаружили вербализацию еще одной универсальной культурологической оппозиции – «хорошее направлено вверх (сакральный элемент оппозиции), а плохое – вниз (профанный элемент оппозиции)». Вот как некрасовка Рамзаёва Алла Илларионовна образно описывает жизненный путь человека: *«Маленький радилси. Рос, рос, ступеньками, ступеньками, и вырос. Патом большой, нижа, нижа и састарилси»*.

Глагол *нижать* имеет в говоре переносное значение - «стареть» (*зафтра фсе нижаим*), в говоре есть фразеологизм *года нижають*, обладающий значением «годы прибавляются» (*розум стал фсе нанис, гада нижають*). Полагаем, что данная метафора обусловлена физическим опытом человека: в пожилом возрасте спина согнута, голова опущена.

В говоре существует и существительное *нижа* – «бедность» (*у каво какая багацтва, а хто - в нижы*). Кроме того, прилагательное говора *низкий*

обладает переносным значением «беднее» в форме сравнительной степени: *дарють на-разнаму: хто ни́жа, той ни́жа даёть*. Полагаем, что метафорические значения социального характера лексем говора *низкий, ни́жа* могут мотивироваться представлением некрасовца о богатстве как о, достаточно высоком, объемном вместилище, а о бедности как о низком, небольшом вместилище.

В целом вербализация универсальной культурологической оппозиции – «хорошее направлено вверх, а плохое – вниз» является архаичной и специфичной для говора некрасовцев.

2. Специфическая реализация общих тенденций развития русского языка в говоре казаков-некрасовцев Ставропольского края.

Этнокультурное своеобразие казаков-некрасовцев выражается в самобытных процессах его развития, которые полностью не совпадали с процессами, происходившими в русском национальном языке в XVIII-XIX веках. Находясь в изоляции, говор казаков-некрасовцев развивался, так как это неременная черта любой формы бытования языка. Развитие и обогащение говора в изоляции от языка метрополии в ряде случаев могло не совпадать с основными магистральными процессами общенародного языка, а быть полностью самостоятельными или вариативными.

Так, большая часть словообразовательных моделей макрокласа «Местоименная лексика» говора казаков-некрасовцев не представлена в русском литературном языке, т.е. словообразование местоименной лексикиговора в большей своей части является специфической реализацией деривационных возможностей, существующих в русском национальном языке.

Специфические словообразовательные модели макрокласа «Местоименная лексика» говора казаков-некрасовцев входят в типичные для общенационального языка способы словообразования, однако эти способы словообразования (или их виды) используются в других частных

частеречных словообразовательных системах общенационального языка (имен существительных, глаголов, наречий), а в рамках местоименной лексики не используются.

Местоименные префиксально-суффиксальные модели

1) Модель префикс **о-** + местоименное наречие + суффикс **-о** с **модификационным** значением «усиления признака пространства, названного мотивирующим словом»: **о-куды-о** - «вот сюда» от местоименного наречия говора *куды* (фонетический вариант общенационального слова *куда*). *Вот касицки видить, касицки мы, жєнищыны, втыкали о-куды-о, вот сюда*).

2) Модель префикс **о-** + местоименное наречие + суффикс **-о** с **модификационным** значением «усиления признака времени, названного мотивирующим словом»: **о-как-о** - «вот так» от местоименного наречия общенационального языка *как*. *Дєвачка накрывалась о-как-о сверху, а эта ужє па-бапски накрытая называли*.

3) Модель префикс **о-** + местоименное наречие + суффикс **-о** с **модификационным** значением «усиления признака качества, названного мотивирующим словом»: **о-тако-о** - «вот так» от местоименного наречия общенационального языка *тако*. *У наз домики стаять о-тако-о; ежли пажар, то ни уталиш*. Названный вид префиксально-суффиксального способа образования местоименных наречий и вообще наречий (префикс **о-** в сочетании с суффиксом **-о-**) не встречается в словообразовательной системе литературного русского языка, является специфичным, характерным именно для говора казаков-некрасовцев.

Местоименные префиксальные модели

1) Модель формант **о-** + Местоименное наречие с относительным значением «временной отнесенности к обстоятельству признаку, выраженному мотивирующим словом»: **окады** - «после, потом, спустя некоторое время, после, позднее» от местоименного наречия говора *када*

(фонетический вариант общенационального слова *когда*). *Я вышла замуш втарова июня, акады, ф сентябре, мы сюды пришли*

2) Модель формант **у-** + **Местоименное наречие** с модификационным значением «усиления указательного признака, названного мотивирующим словом»: а) **утам** – «именно там» от местоименного наречия места общенационального языка *там* (*Да, помню, утам палажыла*); б) **утак** – «именно так» от местоименного наречия образа действия общенационального языка *так* (*Внучки гаварять: «Бабушка, нет, там утак нада, там утак нада»*). **утам** – «вот там, именно там»). Этимологически приставка **у-**, очевидно, является фонетическим вариантом приставки **ун-**, которая, в свою очередь, восходит к указательному местоимению *он*. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент местоимений **утам**, **утак** как диалектную приставку.

3) Модель формант **от-/ут-** + **Местоимение** с модификационным значением «усиления указательного признака, названного мотивирующим словом»: **Утетот, Утета / Отета** – «именно этот, эта» от указательного местоимения говора *ета* (фонетический вариант общенационального слова *эта*). *Питрович, он у нас был гарманистам, утетат и жынихом был. - Фсе када падашли, ана, хазяйка, накрываеь атетю икону платком. Сарай, лапас, паветка была, када с улицы заходиш, там дом састроенай, заходиш – рагошки п̆растелины, святки были в тиньке, двор мазали, а утой-та домик – ета куханька была. – Или парень заметил табе, и тада уже гаварять: «Утая-та дефка – иво нивеста».*

Этимологически приставка **от-/ут**, очевидно, является фонетическим вариантом частицы *вот*. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент основы местоимений **утетот, утета/отета** как диалектную приставку.

Названный вид префиксального способа образования местоименных наречий (префикс **о-**, **от-/ут-** в сочетании с местоименной мотивирующей

базой), по данным Русской грамматики-80, не встречается в словообразовательной системе литературного русского языка, является специфичным, характерным именно для изучаемого говора.

Местоименные модели чистого сложения

Модель указательное местоимение + другое указательное местоимение (без соединительной гласной) с соединительным значением: **тая-ента** - «именно та, именно такая, соответствующая чему-н., не другая». *У нас была диривянная щалба, izdelanaya, plitёnaya, naeli, namyli i навесили иё, таю-енту щалбу, ана висить.* Необходимо отметить, что соединение двух указательных местоимений противоположной степени удаленности привело к формированию указательно-определенного значения, в котором степень удаленности является не актуальной. Способ сложения не характерен для словообразования местоимений литературного русского языка, является специфичным, характерным именно для изучаемого говора.

Местоименные модели, основанные на словообразовательной игре

Модель, основанная на повторении первого слова (местоимения) с добавлением новых звуков в его начале: **Чего-Ничего** [щаво-нищаво] с модификационным значением собирательности, конкретизированным в частном значении «незначительное и неопределенное количество разных предметов»: *Хазяин платил рыбай, парами: полуцали щаво-нищаво. Хадили славили Христа, давали им там щяво-нищяво, деньги-шменьги.*

Наличие самой **системы словообразования местоимений** в говоре свидетельствует о креативности языкового сознания старообрядцев казаков-некрасовцев, ведь в литературном языке система словообразования местоимений как таковая отсутствует (в Русской грамматике, являющейся эталонным академическим изданием, даже нет раздела «Словообразование местоимений»), так как формирование системы местоимений, в том числе и словообразовательной, относится к далекому прошлому русского языка.

3. Отражение аскетизма в говоре казаков-некрасовцев Ставропольского края как представителей старообрядчества.

В ряде морфологических процессов в говоре мы видим отражение аскетического рационализма, свойственного старообрядцу. Исследователи старообрядчества считают, что в среде старообрядцев сложился особый менталитет, нашедший отражение в способе ведения хозяйства. Он был обусловлен православной аскезой.

Некрасовка Беликова (в девичестве Ялуплина) Пелагея Федоровна вспоминает: «Особое уважение за столом старшим. Как же иначе, он глава семьи, особенно дедушка, прадедушка. Такого, как сейчас: на стол только накрывают трапезу, а дети уже с кусками бегают, такого не было. У нас все по расписанию было, всей семьей. Вот утром встали, и завтракаем вместе. В субботу идешь в церковь, из церкви приходишь – все садятся за стол, помолились, поели, встали, поблагодарили (молитва) – кто куда. В воскресенье утром все идут в церковь, а мать или сноха еще до церкви все напарила, наварила, все приготовила, напекла сладости. Приходишь с церкви, помолился, все за стол, покушали, поблагодарили. Если семечки жарили – поделили семечки по карманам – кто куда. Кто на мельницу, кто к родителям. И на стол одна чашка. А сейчас: один поел, еще за ним посуду не домыли, не успели все прибрать – второй садится, потом третий, и целый день посуду моешь. Там все по часам, было: поели, помолились, свободны. Утром ни есть, ни пить ничего нельзя – грех это, пока не умоешься и не помолишься. Ни к чему из еды или посуды прикасаться нельзя – грех это. Встанешь, освободишься, идешь умываться. Потом встанешь перед образами и тогда молишься. Пока не умоешься, ни до чего дотрагиваться нельзя. Вечером поужинал, умылся, помолился и спать».

Отражение аскетических рациональных традиций хозяйственной жизни мы видим в процессах аналогического выравнивания в рамках глагольных форм в говоре, которое может проявляться по-разному: фонетико-

фонологическое выравнивание основы глагола; структурное выравнивание такой глагольной формы, как инфинитив; структурное выравнивание форм глагола в рамках категории вида; структурного выравнивания безударных личных форм глагола. Опишем названные процессы.

1. Фонетико-фонологическое выравнивание основы глагола Личные формы стремятся к единообразию конечного согласного основы, выравнивание может происходить по разным формам, выбранным в качестве образца. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем процесс аналогического фонетико-фонологического выравнивания основы: личные формы стремятся к единообразию конечного согласного основы (в том числе и путем архаизации), выравнивание может происходить по разным формам, выбранным в качестве образца:

а) выравнивание форм 1 лица единственного числа по форме инфинитива: **насю, облюбю, давю** (как носить, облюбить, давить);

б) выравнивание формы инфинитива по личным формам настоящего времени, по форме прошедшего времени: **номалчиваться** (как молчу), **воить** (как воиш, воить, воили);

в) выравнивание форм 1 лица множественного числа и 2 лица единственного (множественного числа нет в записях) по форме 1 лица единственного числа: **пикём, пикёш** (как пяку);

г) выравнивание всех личных форм по 1 лицу единственного числа: **хочим, хочите, хочуть** (как хочу);

д) выравнивание форм 3 лица по форме 1 лица единственного числа: **вижутъ** как вижу;

ё) одновременное выравнивание формы инфинитива однокоренных глаголов и иных глагольных форм однокоренных глаголов: **гладить** – **выгладивать** – **выгладивали**; **тащить** – **вытащивать**; **квасить** –

**заквасивать – за́квасивали; ездить – е́здивать – е́здивали – е́здиваютъ:
замесить – замесивавать - замесивали.**

2. Структурное выравнивание инфинитива. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем процесс структурного выравнивания такой глагольной формы, как инфинитив. В формах инфинитива говора мы находим факты, свидетельствующие о значительном давлении системы на ее отдельные части и отдельные элементы. В качестве единого форманта инфинитива в говоре некрасовцев выступает суффикс -ть, который является единственно возможной нормой, под которую подстраиваются все глаголы:

а) в одних суффикс -ть вытесняет суффикс -ти (*ростъ*),

б) в других глаголах, в которых эта замена фонетически возможна, но коммуникативно нецелесообразна, суффикс -ти-- усложняется семантически незначимым, но системно и коммуникативно значимым для носителя говора суффиксом -ть: получается нанизывание формантов (*итить*),

в) в третьих глаголах выравнивание происходит особым образом: вместо финали -чь (*печь* (блины)), используется финаль –шть (*пеишь* (блины)), характерная для церковнославянского языка и оканчивающаяся на -ть, что совпадает по звучанию с единственно возможным для инфинитива говора формантом -ть. В результате в рамках глагольного формообразования инфинитива уходят редкости, а система становится более жесткой и прозрачной.

3. Структурное выравнивание видовых форм глагола. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем процесс структурного выравнивания форм глагола в рамках одной и той же категории. Анализ форм вида глагола в изучаемом говоре выявил явление усложнения основы глаголов несовершенного и совершенного видов, как правило, уже имеющих грамматический показатель вида, дополнительными суффиксами и приставками со значением вида. Таким образом, в морфологической

системе глагола говора происходит усиление морфологической выразительности лексико-грамматической категории вида, что проявляется в двух разных процессах:

а) вторичной имперфективации глаголов национального языка несовершенного вида, имеющих суффиксы -а-, -и-, которые в говоре заменяются на более морфологически выразительный и коммуникативно значимый суффикс несовершенного вида -ива-: *приходиваться* (на месте приходиться), *оживливать* (на месте оживать),

б) усиление результативного значения глаголов национального языка совершенного вида с помощью вторичной суффиксации глаголов совершенного вида: *поспасти* (на месте спасти), *поприйтись* (на месте прийтись).

В этом явлении усложнения основы глагола несовершенного / совершенного вида в изучаемом говоре мы видим давление грамматической системы глагольного вида, стремящейся: а) к однозначности и более яркой в коммуникативном аспекте представленности грамматической семантики вида в глагольном слове, б) реже - к акцентированию грамматической семантики вида путем дублирования.

4. Структурное выравнивание безударных личных форм. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем стремление носителей говора к унификации глагольных форм, что выражается в процессе структурного выравнивания безударных личных форм глагола и возникновении единой парадигмы спряжения для глаголов с безударными личными окончаниями:

а) единственное число: -иш, -ить (*будиш, балеить*) и

б) множественное число: -им, -итя, -ут/-ют (*нижаим, кушаитя, разводють*).

В лингвокультурологическом плане в процессах различных видов выравнивания основ, безударных окончаний глагола, единообразному оформлению глагольных категорий проявляется такая черта менталитета казака-старообрядца, как стремление к выраженности порядка, аскетическому рационализму, свойственного старообрядцу. В лингвистическом аспекте казак-некрасовец может быть причислен к наивным структуралистам, для которых система и структура – это все.

4. Творческая составляющая в речевой деятельности носителей говора казаков-некрасовцев. История скитаний казаков-некрасовцев, принадлежность к старообрядчеству, отнесенность их говора к островному типу (изолированному от территории бытования основных форм русского языка), обусловили определенные лингвокультурологические характеристики говора. Историки старообрядчества полагают, что одной из важных черт характера старообрядцев было свободолюбие. Полагаем, что одним из проявлений свободолюбия является креативность языкового сознания носителей говора казаков-некрасовцев, что ярче всего демонстрирует явление языковой игры в их речи. К языковой игре относят те языковые факты, в которых проявляется свободное отношение к форме речи, обусловленное эстетическим заданием. Как правило, в устной спонтанной речи эстетическое чувство реализуется в установке на комический эффект. Языковая игра чаще всего основана на балагурстве – явлении народной смеховой культуры, когда комический эффект вызывает все необычное, перевернутое. Диапазон явлений языковой игры широк: выразиться необычно, развлечь окружающих, вызвать улыбку, создать шутливое настроение.

В словообразовательной системе говора некрасовцев наблюдаются явления, которые являются редкими даже в такой высшей форме существования языка, как литературный язык, в силу того, что возникают не механически, по «привычным рельсам» существующих

словообразовательных моделей, а осознанно, в результате творческой когнитивно-вербальной деятельности носителя языка.

Так, в речи некрасовцев находим прием рифмованного эха (экспрессивного рифмованного удвоения), который заключается в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука или звуков: *птица-мница* – «всякая птица», *кабаки-мабаки* – «всякие овощи», *крестная-мресная* – «родня», *одежка-передежка* – «одежда, смена белья», *вилюшки-кивилюшки* – «разные украшения на одежде, в том числе и в виде извилин», *тряпки-мряпки* – «одежда», *десятьёрка-пятёрка* – «небольшое количество денег». Приведем примеры из речи носителей говора: *А в Ражаство хадили, славили, Христа славили, давали им деньги-шменьги. – Ну он там мне спирту-мирту на виноделии дал, сумашку ета. – Рыбу в мишочик складём, камышом-мамышом закроим, он жа, возир-та, ни наш, хазяйский. – Пакупали фсё, што твая душыцка хочить: тряпки-мряпки, брусветы. – Все равно стол накрывали, стол накроють, приготовють, пославають, садитися победайте, садитися покушайте, а как пославили, дала там десятёрку-пятёрку, и они спасибо, спаси Христос и накашсья сполна. – А на земле еще само-собой цветы сажали: коксы-моксы, чернобривочки, шапки, хризантемы, все цветы были.* Данная эхо-конструкция, как и любая словообразовательная модель, обладает своим особым значением – это семантика обобщения (по данной модели образуются собирательные или родовые наименования). Возможно, что прием рифмованного эха возник в речи некрасовцев под влиянием подобной модели (не слов!) в турецком языке. Уместно отметить, что названное явление языковой игры ученые обычно анализируют и описывают на материалах записей устной речи русской интеллигенции XX-XXI вв., а также художественных текстов.

Креативность языкового сознания носителей старообрядческого говора проявляется и в механизмах, с помощью которых они неосознанно стремятся соблюдать такой постулат способа общения, как «выражайся ясно».

В говоре мы находим немало лексем, которые, будучи образованы от общенациональных лексем с помощью того или иного суффикса, являются идентичными им по своему значению: *хлеборобник* от общенационального *хлебороб* с аналогичным значением, *арापенин* от общенационального *арап* с аналогичным значением, *французенин* от общенационального *француз* с аналогичным значением, *татаренин* от общенационального *татарин* с аналогичным значением. Данные лексемы выявляют тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, ведь они полностью дублируют значение мотивирующих существительных, и их суффикс, на первый взгляд, не добавляет никакой новой информации, а только повторяет уже существующую. В то же время подобная избыточность усиливает информативность слова, помогает быстрее и точнее опознавать его словообразовательное значение по его финали, вроде бы бессмысленной и ненужной.

Подобные лексемы находим в разных лексико-тематических группах говора некрасовцев: *дитенок* - «ребенок» (от лексемы *дитя*), *двойнята* - «близнецы» (от лексемы *двойня*), *арापенин*, *татаренин*, *французенин* (от лексем *араб*, *татарин*, *француз*), *подпольник* - «кусоч дешёвого материала, вставляемый в полу балахона в месте, которое обычно скрыто под завеской» (от лексемы *подпол*, имеющей в говоре идентичное значение), *вушкарник* - «шнурок или матерчатый пояс у штанов» (от лексемы *вушкар*, имеющей в говоре идентичное значение), *вершок* - «верх, лицевая сторона одежды» (от лексемы *верх*, имеющей идентичное значение), *котыры* - «женская обувь из грубой кожи, надеваемая вместо калош» (от слова *коты*, имеющего идентичное значение) и т.д. Подобная избыточность усиливает информативность слова, помогает опознавать его словообразовательное значение по его финали, вроде бы бессмысленной и ненужной.

Названная тенденция к избыточности морфематической структуры слова проявлялась в русском национальном языке на разных этапах его развития в различных формах. Так, в языке 18 – начала 19 века существовали

словообразовательный варианты, состоящие из немотивированного слова и этого же слова, усиленного суффиксом в соответствии со своим общим значением. В Сл. церковно-славянского и русского языка 1847 г. находим определенное количество подобных лексем: *азиат – азиатец, садовод – садоводец, плут – плутец, лесовод – лесоводец, овцевод – овцеводец, скотовод – скотоводец* и т.д. Удивительно то, что описанное явление было характерно и для говора некрасовцев, живших в изоляции от «метрополии», в неславянском окружении.

По сути названные словообразовательные процессы «островного» говора показывает нам естественную, словно происходящую стихийно, реализацию тенденций развития словообразовательной системы общенационального русского языка, которые одновременно действовали и в метрополии, и в островном говоре, но их вербализация отличалась.

Современное бытование ОНЭД. Для говора казаков-некрасовцев характерен естественный способ передачи ОНЭД и аутентичное бытование в среде реэмигрантов-казаков и их потомков, живущих в указанных селах и поселках Левокумского района СК. В то же время на речь потомков казаков-некрасовцев существенное влияние оказывает русский литературный язык, а также южнорусский говор, характерный для сельской местности Ставрополя.